

Заключительное слово докладчиков

С.С. Сулакшин

Прежде всего, хочется поделиться наблюдением по поводу нашего общего детища — семинара. Что это за инструмент, что он позволяет производить, творить? Если вы заметили, прививку, которую я пытался в начале семинара сделать, объявив, что есть проблема междисциплинарности и множественности подходов к одним и тем же понятиям, обозначаемым одним и тем же словесным набором, — национальная идея — я делал сознательно. Более того, тогда же я подчеркнул и обратил ваше внимание на то, что тема в докладе предлагается к обсуждению в определенном ракурсе, в *управленческом подходе*. Если вспомнить сейчас ход семинара, за редким исключением призыв был поддержан. Обсуждение шло с несколько иных позиций — с позиций философских, мессианских, всеобщих, религиозных, универсальных. Моя задача — найти ответ на вопрос: «Ну, и что после ее номинации в таком качестве?» Искал ли семинар ответы на этот вопрос? Не могу утверждать этого, проблема междисциплинарности у нас до конца не преодолена. Дефицит предложенного управленческого подхода наблюдался и в процессе нашего обсуждения. Тем не менее, я чрезвычайно рад тому, что растяжка темы, создание интеллектуальных, многогранных фонов, с помощью которых мы можем перепроверить предложенный подход, — это вещь бесценная. Я признаюсь вам искренне, что не смог бы изобрести и сконструировать столь логически и смыслово бессвязные, с точки зрения предлагаемого нами подхода, конструкции, которые прозвучали у Вадима Михайловича Межуева в его рецензирующем, аккомпанирующем сообщении, в некоторых других

сообщениях. Но они дают возможность вновь увидеть, что же мы изобретаем. А изобретаем мы некую вещь, в которой есть ноу-хау, и обсуждение это показало. Ключевой вопрос: национальная идея у каждой страны своя или есть универсальная? Мы утверждаем, что есть универсальная идея — как оболочка — равнозначная, равноизмеряемая для всех государств. Но наполнение этой оболочки специфично. Вот этот универсализм, который мы нашли и обозначаем словом «жизнь», жизнь как существование страны, государства в широком смысле — территории, народа, управления — это самая универсальная постановка вопроса. Для каждой страны она ровно такая же, как мы ее делаем для России.

Но специфичность, которая неизбежна даже при этой универсальности и всеобщности, находится в *технологиях управления*. Для этого надо выявить те кнопки, на которых следует играть на этом органе, чтобы мелодия получилась гармоничной и долгозвучающей; надо понять, с каким усилием следует на них нажимать, в какой последовательности, как вибрировать кончиками пальцев на этих управленческих кнопках. Это, конечно, подход новый. Мы его ищем, хотим увидеть, надеемся и мечтаем, что он все-таки где-то там существует — там, где пишут спичрайтеры, там, где штатные эксперты подносят патроны, т. е. разработки, допустим, к столу премьера, а он их зачитывает на заседаниях и т. д. Но мы не находим там такого подхода. Мы убеждены, что он необходим, а семинар нас в этой мысли парадоксальным образом укрепляет.

Был ряд, конечно же, дискуссионных замечаний, на которые не стоит — ввиду нехватки времени — отвечать, потому что дискуссия бесконечна. Но на некоторые нельзя не ответить.

Например, поступившая рекомендация относительно того, что ученый, занимающийся поиском национальной идеи, особенно преломляющий ее к практике государственного управления, должен быть как медик. Я бы даже развил

мысль А.И. Соловьева — как адвокат, он не должен позволять себе проявлять эмоции, пафосность, трагедийность и т. д. Я даже мог бы в этом плане вспомнить знаменитого ученого-медика Йозефа Менгеле — вот уж кто был беспарфосным «ученым».

Еще одного ученого могу вспомнить. Это Бжезинский, который наверняка сидит сейчас за таким же круглым столом и обсуждает ровно такую же тему, но обсуждает ее с позиции ровно противоположной. Наш подход заключается в решении обратных задач. Нас волнует жизнь *нашего* государства. А Бжезинского волнует жизнь *его* государства — США.

Совершенно понятно, что управленческое измерение неотделимо от политического. Я поддерживаю подсказанную нам в дискуссии мысль: политика без интересов, политика без манипуляций, политика без пафоса, политика без эмоций — не бывает. Поэтому такие отблески неизбежны. В ряде факторных идентификаций и постановке задач, которые внизу пирамиды существуют, мы ставим задачи в области пропаганды, управления СМИ, в области специальных информационно-психологических технологий, контрманипулирования, т. е. формирования массового мировоззрения в стране. Нас не устраивает, что этим занимается сейчас программа «Дом-2» и голливудская продукция. Мы хотим, чтобы этим занимались целенаправленно, имея в виду ценностные критерии, которые мы тоже вводим в матрицу управленческого массива, формируемого таким образом, чтобы это увеличивало жизнеспособность, а не ускоряло приближение к краху нашей страны. Поэтому я совершенно искренне благодарен за дискуссию, за вопросы. Мы продвинулись вперед, и семинар в этом плане бесценен. Спасибо вам!

В.М. Межуев

Как ни странно, лучше всего понял смысл моего комментария к докладу А.Г. Дугин, которого я считал своим главным оппонентом. Правда, я поспорил бы с ним о возможности сочетания синхронического и диахронического подходов к анализу социальной реальности. Реально эти подходы не просто дополняют друг друга, а противостоят друг другу. Но сейчас я хочу сказать о другом.

Философу, специализирующемуся в области идей, сегодня не так-то просто выступать в аудитории политологов, историков, экономистов, социологов, математиков — короче, всех тех, кто привык иметь дело не столько с идеями, сколько с фактами, цифрами, точными данными и расчетами, различного рода статистическими выкладками и прочим научным инструментарием. Ведь большинство ученых апеллируют к опыту, к тому, что можно наблюдать в самой действительности, тогда как философы, как правило, являются критиками опыта, пытаются мыслить о том, что выходит за рамки любого бытия. Мераб Мамардашвили сказал как-то, что суть философии можно выразить в одной фразе: «простите, я не об этом». И идеи не о том, что уже есть, а о том, что должно быть. Но кого сегодня интересуют идеи? Большинство людей в наше время предпочитают любым идеям злобу дня, ближайший и вполне представимый результат. В политике это видно как нельзя лучше. Борьба идей уже давно сменилась борьбой компроматов. На смену идеологам пришли политтехнологи и имиджмейкеры. Такое впечатление, что эпоха, когда идеи руководили поступками и действиями людей, закончилась. Идеологи повсюду вытесняются разного рода технологами, специалистами по конструированию социальных проектов. Большая часть их рекрутируется из области точных и естественных наук. Для них Россия — это всего лишь технический проект, предназначенный для исполнительной власти. И не то плохо, что эти проекты создаются, а что они

заполнили собой всю ту нишу, которую ранее занимало гуманитарное знание. А вместе с ним из этих проектов исчез и человек в том его качестве, как его понимает гуманитарий. В равной мере это касается и философа, который озабочен не просто количественным, но и качественным ростом народонаселения, развитием человеческой личности.

Философ вообще предпочитает говорить о настоящем в терминах не столько научной и технической рациональности, лишенной временных измерений, сколько более широко понятой исторической перспективы, не исчерпывающейся ни прошлым, ни настоящим. Для России, как мне кажется, — это главная проблема. Наша беда, как я ее понимаю, состоит в том, что мы не хотим или не можем жить в историческом мире, в котором ничто не стоит на месте, все подвержено изменению и развитию; не осознаем свое нынешнее общественное состояние как временное, преходящее, чему есть начало и конец. Мы как бы хотим остановить время, придать настоящему характер вечного и естественного закона. А причина в том, что под нашим настоящим и даже будущим мы, как правило, понимаем наше прошлое, т. е. остаемся в границах традиционного сознания с его приверженностью ко всему, что было раньше. Отсюда наша неспособность стать современной страной, жить, так сказать, в модерне. Пытаемся мыслить технологически и рационально, а в итоге воспроизводим традиционные структуры российской власти и общественного устройства, выдаем за современность нечто совершенно архаическое. Ибо думать, что Россия — это только страна с территорией и народом под управлением некоторого возвышающегося над всеми властного центра — это и значит оставаться в прошлом, в пределах традиционного образа мыслей. С таким сознанием далеко не уедешь и ни одной проблемы не решишь. Если сегодня и возможна какая-то идея, то только та, которая отвечает на современные вызовы истории, позволяет не просто выжить в современном мире в качестве особого и самостоятельного образо-

вания (для этого не нужно никакой идеи), но указывает путь к той универсальной цивилизации, которая равно приемлема для всех стран и народов. Идеи существуют не для того, чтобы строить свое обособленное счастье, а чтобы жить в соответствии с теми принципами и нормами, которые могут быть признаны всем цивилизованным миром. Думать о себе всегда полезно, но польза будет еще большей, если то, что мы хотим для себя, будет хоть как-то согласоваться с тем, что хотят для себя другие страны и народы. Поэтому и мои комментарии прошу считать не отрицанием того, о чем говорил основной докладчик, а лишь дополнением к сказанному им — особенно в той части, которая касается понимания им национальной идеи.